

Анатолий Шигапов

**Алтарник в аду
Стихарь против
преисподней**

Алтарник

Анатолий Шигапов

**Алтарник в аду Стихарь
против преисподней**

«Автор»

2026

Шигапов А.

Алтарник в аду Стихарь против преисподней / А. Шигапов — «Автор», 2026 — (Алтарник)

Алтарник Митяй после всеобщей забыл закрыть Царские врата. Присел на скамеечку отдохнуть и провалился в ад. Прямо с кадилом в руке и просфорой в кармане. В аду его ждёт не смола и сковородки, а бесконечная очередь в ООО «Геенна Огненная», черти с планшетами, солёная вода вместо чая и талончики, которые никто не берёт уже триста лет. Здесь даже Wi-Fi работает правда, только на взрослый контент и лживые новости. Первая книга серии о падении. Вторая о будущем без Бога. Третья о прошлом, где всё начиналось. Если вы думаете, что молитва это скучно, вы просто никогда не читали её задом наперёд, чешась кадилом. Если вы думаете, что ад это страшно, вы просто не стояли в очереди двенадцать тысяч лет. Трогательная, смешная и немного абсурдная история о том, что даже на самом дне можно найти свет. Особенно если забыл закрыть врата.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

Алтарник в аду Стихарь против преисподней

Посвящается

Тем, кто служит. Кто остаётся, когда все уходят. Кто верит, даже когда молятся в пустоту. Кто иногда забывает закрыть Царские врата - потому что очень устал, но наутро приходит снова.

Вам. И тем, кто рядом с вами. И тем, кого не видно.

Дорогой читатель!

Вы держите в руках первую книгу серии, которая начинается с того, что алтарник Митяй забыл закрыть Царские врата. Казалось бы, ну что тут такого? Подумаешь, устал человек после всенощной, присел на скамеечку отдохнуть. Но если вы думаете, что это просто история о церковной нерадивости - вы ошибаетесь.

Это история о том, как одно маленькое «забыл» может обернуться большим приключением. О том, что даже в аду есть место юмору, а в очереди на регистрацию можно встретить банкира, который плачет солёными слезами. О том, что святая вода - это не только то, чем кропят на Крещение, но и оружие массового поражения (особенно если случайно облить ею беса, который только что съел твою просфору).

Я писал эту книгу не для того, чтобы кого-то учить или наставлять. Честно говоря, я и сам не священник, не богослов и даже не алтарник - просто человек, который однажды задумался: а что, если ад - это не котлы и сковородки, а бесконечная очередь в ООО «Геенна Огненная» с пластиковыми стульями, прикрученными к полу? И что, если единственное оружие, которое там работает - это псалом, прочитанный с верой (даже если ты немного перепутал слова, потому что чесался)?

И знаете что? Прежде чем я сел писать эту книгу, мне пришлось заново перечитать Библию. От корки до корки. Не потому, что я хотел проверить, правильно ли Митяй цитирует псалмы (хотя и это тоже). А потому, что я вдруг понял: я слишком давно не открывал эту Книгу. Я думал, что помню её содержание, но память оказалась обманчивой. Я искал в ней подтверждение своим мыслям, а нашёл то, что думал, будто знаю, но на самом деле не знал. И перечитывая, я снова и снова удивлялся: откуда в этих древних текстах столько света? столько мудрости? столько ответов на вопросы, которые я даже не успел задать?

Поэтому я очень советую вам - прежде чем читать дальше, тоже откройте Библию. Не для того, чтобы проверить меня (я мог ошибиться в цитатах, я же не богослов). А для того, чтобы освежить память. Или открыть её впервые. Или просто полистать - хотя бы Псалтирь, хотя бы Евангелие от Луки, хотя бы книгу Иова (она очень подходит к настроению этой серии, честное слово).

Потому что без этого многое в моей книге покажется просто смешным. А с ними - оно станет ещё и немного святым. Или хотя бы тёплым. Как просфора в кармане у Митяя.

Митяй, главный герой, получился у меня человеком негероическим. Он спотыкается, сомневается, читает молитвы задом наперёд и использует кадило как чесалку для спины. Но именно в этом, как мне кажется, его сила. Потому что настоящая вера - это не когда ты всегда прав и никогда не ошибаешься. Настоящая вера - это когда ты падаешь, но встаёшь. Когда ты забываешь закрыть Царские врата, но Господь всё равно не оставляет тебя.

А теперь - о том, что вас ждёт впереди. Серия состоит из трёх книг, и каждая - о своём.

Первая книга - та, что перед вами. Это история падения. Буквального. Митяй проваливается в ад, знакомится с его бюрократией, встречает Шушу - мелкого беса с веснушками, который всю жизнь портил людям обеда, - и находит в себе силы читать псалмы так, что черти разбегаются. Это книга о том, что даже на самом дне можно встретить свет.

Вторая книга - о будущем. Да-да, вы не ослышались. Митяй, Шуша и кот Аваддон (бывшая правая рука Дьявола, который теперь спит на Евангелии и требует «Вискас») отправляются в 2525 год. Мир, где храмы закрыты, молитвы запрещены, а люди ходят в очках виртуальной реальности и принимают таблетки «Счастье». В этом мире нет Бога - вернее, люди сами отказались от Него. И нашим героям предстоит напомнить им, что душа - это не устаревшая программа, а то, ради чего стоит жить. Будет страшно, смешно и, надеюсь, немного пророчески.

Третья книга - о прошлом. О том, что было до. До ада, до будущего, до всего. Митяй попадает в эпоху, когда вера только зарождалась. Или, может быть, в эпоху, когда она уже умирала - в зависимости от того, как посмотреть.. Вера - это про сейчас. Про то самое «сейчас», в котором мы все живём, даже когда кажется, что мы уже умерли.

Если вы ждёте от этих книг глубоких богословских откровений - вы их не найдёте. Но если вы хотите посмеяться, погрустить и, может быть, немного по-новому взглянуть на то, во что верите (или не верите) - добро пожаловать.

И помните: даже если вы забыли закрыть Царские врата - это не конец света. Это всего лишь начало приключения.

Почему три книги и двенадцать глав
(Небольшое объяснение для тех, кто заметил)

Вы, наверное, обратили внимание: в серии три книги. В каждой книге - двенадцать глав. Это не случайно.

Я мог бы сказать, что так удобно читать перед сном. Или что три книги легче носить в рюкзаке, чем одну огромную. Или что двенадцать глав - это ровно на две недели ежевечернего чтения, если делать перерыв на воскресенье.

Но это было бы неправдой.

Три книги - потому что три - это число Божественное.

Три - это Святая Троица. Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух. Не три бога, а Единый в трёх Лицах. Полнота и завершенность. Гармония и единство в многообразии.

Как учит нас Церковь: триада содержит начало, середину и конец. Три дня Христос был во гробе - и воскрес в третий день. Три раза Пётр отрёкся - и трижды был спрошен: «Любишь ли ты Меня?» Троекратно звучит на богослужении: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!»

Три книги - как три ипостаси одной истории. Падение. Скитание. Возвращение. Вниз. Вперёд. Назад.

Двенадцать глав в каждой книге - потому что двенадцать - это число апостолов.

Двенадцать - это полнота народа Божия. Двенадцать сыновей Иакова - двенадцать колен Израилевых. Двенадцать камней в наперснике первосвященника. Двенадцать апостолов, которых Христос послал в мир, чтобы нести свет.

Двенадцать - это основание Церкви. Двенадцать ворот Небесного Иерусалима. Двенадцать тысяч избранных от каждого колена. Двенадцать хлебов предложения в храме - прообраз Евхаристии.

Двенадцать глав - как двенадцать учеников, которые идут за Учителем. Которые сомневаются, ошибаются, предают - и возвращаются. Которые не всегда понимают, куда идут, но идут. Потому что верят.

Три и двенадцать - это ещё и ритм богослужения.

Троекратное «Господи, помилуй» на ектеньях. Двенадцать Евангельских чтений в Великую Пятницу. Три свечи на архиерейской службе. Двенадцать анафоров в византийской литургии.

Когда я писал эти книги, я не выбирал цифры. Честно. Просто, когда история закончилась, я пересчитал главы - и их оказалось двенадцать. А когда я написал первую книгу, я понял, что история не кончилась. Что будет вторая. А потом - третья. Потому что три - это число полноты.

Может быть, это Бог так подсказал. Может быть, это просто совпадение. Но в мире, где даже случайность может быть промыслом, я предпочитаю верить в первое.

Три книги. Двенадцать глав.

Как три дня от смерти до Воскресения. Как двенадцать шагов от отчаяния до надежды.

Как молитва, которую читаешь не торопясь - по слову, по главе, по книге - и вдруг понимаешь, что дошёл до конца. И что конец - это только начало.

P.S. Если вы дочитали до конца третьей книги - вы прошли все двенадцать кругов. Как Митяй. Поздравляю. Теперь вы знаете, что даже в самом длинном пути есть смысл. И что закрытые врата когда-нибудь обязательно откроются.

P.P.S. А ещё 3 и 12 - это возраст моего кота, когда я начал писать первую книгу. Ему было три года, и он весил двенадцать килограммов. Но это, наверное, просто совпадение. Хотя кто знает...

С уважением и любовью,

Анатолий Шигапов

P.S. Кот Аваддон, просил передать, что он не одобряет присутствие «Вискаса» в книги и это не реклама, хотя в аду у них это приветствуется, и он не советует давать эту гадость другим котам. В третьей книге, по его требованию, будет целая глава про кошачье питание в древнем мире.

P.P.S. Тётя Зина из храма Святого Николая - вымышленный персонаж. Все совпадения с реальными бухгалтерами случайны. Хотя, если честно, я подозреваю, что таких тёть Зин гораздо больше, чем кажется.

P.P.P.S. И всё-таки перечитайте Библию. Даже если вы атеист - это хорошая литература. А если вы верующий - это хорошее лекарство. А если вы кот - вам ... Впрочем, коты Библию не читают. Они об нее греются. И это, знаете, тоже своего рода богословие.

ГЛАВА 1. КАК ЗАБЫЛИ ЗАКРЫТЬ ЦАРСКИЕ ВРАТА

1. Алтарь в два часа ночи

В алтаре пахло так, как пахнет только в алтаре после двенадцатичасовой службы. Смесь ладана, воска, старого дерева и, если честно, немного потом - потому что батюшка отец Николай любил служить «с чувством, с толком, с расстановкой» и требовал того же от алтарников. Митяй - Димитрий, если официально, но кто ж его так называл - сидел на низкой скамеечке у жертвенника, прислонившись спиной к прохладной каменной стене, и чувствовал, как веки становятся свинцовыми.

Третий час ночи. Всенощная закончилась полчаса назад, но отец Николай ушёл в домик при храме, велел Митяю «прибраться, помолиться и Царские врата не забыть закрыть, потому что в прошлый раз, знаешь, какая история вышла?» Митяй не знал и, честно говоря, не хотел знать. У отца Николая всегда «выходили истории»: то просфора сама собой на пол упала в самый ответственный момент, то кафельная цепочка порвалась прямо во время великого входа. Митяй подозревал, что половина этих историй - выдумка, а вторая половина - просто старость. Батюшке было под семьдесят, и он иногда путал тропари с кондаками, но служил так, что мурашки бежали по коже. За это ему прощалось всё.

Митяй служил алтарником уже третий год. Третий год он вставал на ранние литургии, третий год жег кадило, третий год подавал кадило батюшке в нужный момент (и только дважды пролил угли на ковёр, но тот ковёр и так уже был весь в дырах, так что никто не заметил). Ему было двадцать два. В миру он работал - точнее, «пытался работать», как говорила мама -

в типографии корректором. Проверял чужие ошибки в чужих текстах и иногда вставлял свои, если автор был совсем невыносимым. Работа была скучная, платили мало, но зато давали время на церковные службы и на то, чтобы иногда, по большим праздникам, читать на клиросе.

Читал он хорошо. У него был низкий, чуть хрипловатый голос, который в пустом храме звучал как виолончель. Батюшка говорил: «Голос у тебя, Митяй, от Бога. А вот голова - пока не очень. Но ничего, натренируем». Митяй не обижался. Он знал, что голова у него действительно иногда работает не туда. Например, в прошлую субботу он вместо «Спаси, Господи, люди Твоя» начал читать «Царю Небесный» и спохватился только когда батюшка обернулся с таким лицом, будто Митяй только что продал храм криптосектантам.

Сейчас, в два часа ночи, храм был пуст. Только лампадки мерцали перед иконами, отбрасывая на стены золотистые круги, похожие на нимбы. Царские врата были закрыты, но не до конца - Митяй как раз собирался их запереть на маленький внутренний засов, но сначала надо было проверить, всё ли убрано с жертвенника. На жертвеннике стоял потир - тот самый, из которого во время службы причащают верующих. Пустой, вымытый, высушенный. Рядом - блюдо с просфорами, накрытое платом. Митяй зевнул так широко, что чуть не вывихнул челюсть, и решил: «Сейчас пять минут посижу, отойду, потом закрою. Чего там, врата не убегут».

Он прислонился затылком к стене, закрыл глаза и сразу же провалился в сон. И не просто в сон, а в такой глубокий, какой бывает только после трёх литургий подряд и крестного хода вокруг храма с иконой Божьей Матери, которую тащили всем приходом, потому что она весила как небольшой автомобиль.

2. Сон, который не предвещал ничего хорошего

Ему приснился храм. Но храм странный - весь из белого пластика, с голографическими иконами, на которых святые моргали и улыбались, как ведущие новостей. Посередине, вместо амвона, стоял стеклянный алтарь, а на нём лежали не Евангелие и не крест, а огромная просфора размером с пиццу. Митяй понял, что во сне он - священник. На нём была золотая фелонь, которая колола шею, и камилавка, которая всё время норовила съехать на глаза.

- Ну что, братия и сестры, - сказал он голосом, который был его собственным, но какой-то слишком басовитый, будто он только что проглотил диакона. - Приступим к трапезе.

И тут он понял, что делает что-то не то. Потому что никакой трапезы во время литургии не бывает. Бывает Евхаристия - Таинство, причастие Телом и Кровью Христовой. Но во сне логика работала плохо, и Митяй - то есть во сне он уже был отцом Димитрием, настоятелем этого странного пластикового храма - взял ту самую просфору размером с пиццу и откусил от неё огромный кусок.

- Вкусно, - сказал он и потянулся к потиру.

Потир был тоже необычный - не серебряный, а хрустальный, с золотыми рыбками внутри, которые плавали в кагоре. Митяй зачерпнул рукой (рукой! во сне ему показалось это нормальным) и отпил. Кагор оказался сладким, как компот в детском саду, и с послевкусием вишневого варенья.

- Отлично посидели, - сказал кто-то из прихожан. Митяй обернулся. В храме никого не было. Только иконы моргали и одобрительно кивали.

- Да не посидели, а причастились, - попытался поправить он, но язык не слушался. Язык во сне жил своей жизнью. Он хотел сказать «причастились», а сказал «подкрепились». Потом хотел сказать «во имя Отца и Сына», а сказал «во имя того, кто заплатил».

Митяй проснулся от собственного крика.

3. Пробуждение, которое ничего не объяснило

Он сидел на той же скамеечке, прислонившись к стене. Кадило - он держал его в руке, когда засыпал? Да, он помнил, что проверял угли перед тем, как сесть отдохнуть. В храме было темно. Лампадки мерцали, но одна - перед иконой Спасителя - почему-то погасла.

- Чёрт, - сказал Митяй и тут же перекрестился. - Прости, Господи. То есть не чёрт. То есть... - Он запутался. После такого сна вообще трудно не запутаться.

Спина чесалась. Нестерпимо. Такое бывает, когда спишь в одежде, которая натирает, особенно если это стихарь - длинное, до пят, облачение алтарника, которое Митяй надевал поверх обычной одежды. Стихарь был старый, мамин - то есть не мамин, а подаренный храмом, но мама его зашивала после того, как Митяй зацепился за гвоздь у аналоя. Гвоздя больше не было, а шов остался и теперь чесался.

Митяй сунул руку с кадилом за спину, чтобы почесаться. Кадило - это такая штука на цепочках, в которой тлеют угли и дымит ладан. Обычно его используют для каждения - машут им, чтобы дым распространялся по храму. Митяй использовал его сейчас как заменитель спины чесалки. Он засунул кадило под стихарь и начал водить им вверх-вниз, одновременно пытаясь сформулировать молитву. Потому что, когда чешешься, молиться труднее всего.

- Отче наш, - начал он. - Иже еси на небесех... - Кадило зацепилось за шов. - Да святится имя Твое... - Оно было горячее? Нет, угли давно потухли, но от кадила всё равно шло тепло. - Да приидет Царствие Твое... - Он чихнул. - Да будет воля Твоя... - Кадило соскочило и ударило его по копчику. - Яко на небеси и на земли... - Он перехватил кадило поудобнее. - Хлеб наш насущный даждь нам днесь... - И тут его понесло.

Потому что дальше в «Отче наш» идут слова: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Но Митяй, вконец запутавшись в цепочках, чесотке и остатках сновидения, где он жевал просфору, сказал:

- И остави нам долги наши... якоже... мы... - Кадило опять зацепилось. - Не оставляем... - Он понял, что поехал. - То есть оставляем... - Кадило звякнуло о пол. - А-а-а, чтоб тебя! - Он рванул кадило на себя и, не глядя, продолжил: - Да не введи нас во искушение... но избави нас от лукавого... Аминь... ыннеда онжоб ен кынжеб и... тьлэйасв аминь... ньмиА.

Последние слова он произнёс задом наперёд, сам того не заметив. Потому что чесался, потому что кадило запуталось в стихаре, потому что было три часа ночи, потому что приснился дурацкий сон. А если уж совсем честно - потому что он забыл закрыть Царские врата.

4. Пол, который разверзся

Сначала Митяй ничего не понял. Просто пол под ним - каменные плиты, которые он мыл тысячу раз, на которых стоял во время каждой службы - вдруг стал мягким. Как ковёр. Потом как подушка. Потом как зыбучий песок. Он опустил глаза (вернее, глаза сами опустились, потому что голова резко поехала вниз) и увидел, что каменные плиты... расходятся.

Не трескаются. Не ломаются. Расходятся. Медленно, торжественно, как Царские врата на «Благословенно Царство». Только Царские врата открываются внутрь алтаря, а этот пол открывался вниз. Вниз, в темноту, из которой пахло не ладаном, не воском, не старым деревом. Из которой пахло серой, жареным луком и, как ни странно, дешёвым кофе.

- Что за... - начал Митяй и не договорил.

Потому что в этот момент колокол на звоннице - тот самый, который висел на колокольне и в который звонарь дядя Витя бил только по большим праздникам - вдруг зазвонил сам. Не заупокойно, не трезвоном, не перебором. Он зазвонил... ритмично. С басом. С таким ритмом, под который хочется не молиться, а дёргать головой и трясти плечами.

Митяй узнал этот ритм. Три года назад, на выпускном в типографском техникуме, однокурсник Паша Залипалов, который потом ушёл в диджеи, поставил трек, от которого у Митяя заложило уши. «Это дабстеп», - гордо сказал Паша. Митяй тогда подумал: «Дабстеп - это когда ударные бьют не туда, куда надо». Сейчас колокол бил именно так - не туда, куда надо.

- Дабстеп на колокольне? - успел подумать Митяй. - Это уже перебор.

Пол разверзся полностью. Митяй полетел вниз.

5. Свободное падение с элементами рефлексии

В первые три секунды он думал о том, что забыл закрыть Царские врата.

«Отец Николай убьёт, - пронеслось в голове. - То есть не убьёт, конечно, но скажет: «Митяй, я же тебя просил». И будет прав. Врата-то открыты. А вдруг кто войдёт? В алтарь никто не имеет права входить, кроме священников и алтарников. А тут я улетел, врата настезь. Вдруг кот зайдёт? Кот Доня, который вечно шатается вокруг храма? Он же всё там перевернёт...»

На пятой секунде он понял, что летит в ад.

Это осознание пришло не сразу. Сначала он подумал: «Ну, упаду в подвал. У нас под храмом есть подвал, там уголь хранится». Потом: «Подвал не может быть таким глубоким». Потом: «И пахнуть серой». Потом он увидел внизу огоньки. Много огоньков. Красных, оранжевых, зелёных - как новогодняя гирлянда на ёлке, только гирлянда эта была размером с город.

- Ад, - сказал Митяй вслух. Голос не дрожал. Странно. Ему полагалось дрожать, кричать, молиться, каяться, обещать построить три храма и уйти в монастырь. Вместо этого он просто констатировал факт: - Точно ад. А больше нигде.

На десятой секунде он вспомнил, что в руке всё ещё держит кадило. Угли давно погасли, но само кадило - тяжёлая металлическая штукавина - могло пригодиться. Например, чтобы отбиваться от чертей. Или чтобы их кадить. Или чтобы... Митяй не знал, зачем ещё может пригодиться кадило в аду. Но интуиция подсказывала: пригодится.

На пятнадцатой секунде он начал молиться.

Не громко. Не панически. А так, как молился всегда - вполголоса, быстро, привычно:

- Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного. Господи, я не знаю, что случилось. Я вроде ничего такого не делал. Просфору во сне жевал - так это ж сон. Кагор пил - тоже во сне. А «Отче наш» я прочитал нормально... почти нормально... ну, может, немного задом наперёд, но я же не специально! Я чесался!

Он замолчал, потому что понял, что оправдания перед Богом звучат глупо. Тем более в свободном падении.

- Господи, - сказал он уже тише. - Если я туда попал - значит, есть какая-то причина. Ты же просто так не наказываешь. Ты всегда даёшь шанс. Значит, это шанс. Не знаю, какой. Но раз Ты допустил - значит, я нужен Тебе там. Внизу.

Он не был уверен в этой логике. Более того, он подозревал, что эта логика - просто попытка успокоить себя перед неизбежностью. Но в ней было что-то утешительное. Что-то, что превращало падение в миссию. Митяй не был героем. Он был обычным парнем, который любил поспать, работал в типографии и по выходным кадил в храме. Но сейчас, в эту секунду, он решил: «Если я там, то не просто так. Господь меня туда отправил. И я не подведу».

Он сжал кадило крепче и посмотрел вниз.

Огоньки приближались. Внизу уже было видно что-то похожее на здание - большое, серое, с длинной очередью у входа. И аплодисменты. До Митяя донеслись аплодисменты - сначала слабые, потом всё громче, всё отчётливее.

- Новый рекорд скорости самоубийства души! - донеслось снизу. Голос был скрипучий, как несмазанная дверь. - Всего пятнадцать секунд от греха до приземления! Ребята, это новый рекорд!

Другой голос, басовитый, добавил:

- И с кадилом! Первый раз вижу, чтобы клиент прилетал с кадилом. Это батюшка, что ли?

- Да какой батюшка? - третий голос, тоненький, писклявый. - Батюшки так не падают. Этот - наш. Точно наш.

Митяй хотел крикнуть: «Я не ваш! Я свой! То есть не свой, а Божий!», но не успел. Потому что приземление было жёстким.

6. Встреча с местным населением

Он упал на что-то пластиковое, скользкое и очень холодное. Кадило вылетело из руки, покатилося, звеня, и остановилось в нескольких метрах. Митяй лежал на спине, смотрел в

потолок - потолок был низким, серым, с треснувшими плитками, как в старом советском ДК - и пытался понять, все ли кости целы.

- Целы, - сказал он сам себе, пошевелив пальцами ног. - Все целы. Даже кадило, кажется, цело.

- Кадило-то цело, а вот душа - не уверен, - раздался голос прямо над ухом.

Митяй повернул голову. Над ним стоял черт. Не такой, как на картинках в книжках - не красный, не с вилами, не в плаще. Это был черт в офисном костюме. Серый пиджак, белая рубашка, синий галстук. На голове - рожки, аккуратно причёсанные и, кажется, даже покрытые лаком для волос. Лицо - человеческое, но смутно знакомое, будто Митяй видел его где-то. Точно! Так выглядит его начальник в типографии, Игорь Юрьевич, только у Игоря Юрьевича нет рожек и нос не такой кривой.

- Здравствуйте, - сказал Митяй вежливо. Он решил, что вежливость - лучшее оружие в любой ситуации. Даже в аду.

- Здравсьте, - ответил черт. - Вы, я так понимаю, новенький? Документы есть?

- Какие документы?

- Ну, паспорт. СНИЛС. ИНН. Свидетельство о рождении. Свидетельство о смерти, наконец. Вы ж умерли, я надеюсь?

- Не умер, - сказал Митяй, садясь. - Живой я. Упал случайно.

Черт посмотрел на него с таким выражением, с каким смотрят на пациента психиатрической лечебницы, который утверждает, что он Наполеон.

- Слушай, мил-человек, - сказал черт, скрестив руки на груди. - Тут такое не проходит. Мы - учреждение. У нас учёт. Если вы живой - как вы сюда попали?

- Через пол, - честно ответил Митяй. - Пол разверзся. Я читал «Отче наш», чесался, и пол разверзся. И колокол играл дабстеп.

Черт медленно моргнул. Потом повернулся к другому черту, который стоял чуть поодаль и что-то записывал в планшет. Да, в планшет. В аду были планшеты. Митяй отметил это про себя.

- Записал? - спросил первый черт.

- Записал, - ответил второй. - «Читал «Отче наш», чесался, пол разверзся, колокол играл дабстеп». Это в графу «нестандартные случаи»?

- В графу «бред сивой кобылы». Но ладно, пошли. - Первый черт протянул Митяю руку. - Вставай. Пойдёшь в зал ожидания. Там разберутся.

Митяй взял черта за руку и поднялся. Ноги дрожали, но стоять было можно. Он огляделся. Они находились в большом помещении - что-то вроде вестибюля. Стены из серого пластика, пол из такого же пластика, потолок из пластика. На стенах - объявления: «Уважаемые грешники, напоминаем, что курение в неположенных местах карается дополнительным кругом ада», «Срок ожидания составляет от 666 до 6666 лет, приносим извинения за неудобства», «Купание в смоляных озёрах только в специально отведённых местах и при наличии справки от врача».

У дальней стены тянулась очередь. Длинная. Бесконечная. В очереди стояли люди - точнее, призраки людей. Прозрачные, бледные, с опущенными головами. А между ними, как контролёры в электричке, ходили черти и раздавали талоны.

- Тало-о-ончики, - пел один черт, высокий и худой, с усами, как у кота. - Не забываем брать талончики. Кто без талончика - того в конец очереди. А очередь, как вы знаете, за последние триста лет не сдвинулась ни на шаг.

Митяй подобрал кадило, повесил его на пояс (стихарь позволял - у него был специальный крючок для ладана, который Митяй пришил сам, потому что в карманах всё вываливалось) и сделал шаг к очереди.

- Стой, - сказал черт в пиджаке. - Ты куда?

- В очередь, - сказал Митяй. - Мне же надо зарегистрироваться, да?

- Ты ж сказал, что живой.

- Ну, сказал. Но вы же не поверили.

Черт задумался. Потом почесал рожку (осторожно, чтобы не сбить лак) и сказал:

- Знаешь что, парень. Иди-ка ты к начальству. Таких, как ты, - с кадилами и с историями про дабстеп - мы сами регистрировать не имеем права. У нас инструкция. Пункт 13, параграф 666: «В случае поступления клиента с нестандартными признаками (одежда священнослужителя, наличие религиозных атрибутов, а также бредовые показания о способе прибытия) направить его в отдел особых происшествий». Так что - марш.

- А где этот отдел?

- Вон там, - черт махнул рукой в сторону коридора, который уходил куда-то вглубь, освещённый тусклыми красными лампами. - Иди по коридору, никуда не сворачивай. И не глазей по сторонам. А то ещё чего увидишь - потом сам не обрадуешься.

Митяй кивнул, подхватил кадило и пошёл.

7. Коридор сюрпризов

Коридор был длинным и извилистым, как червь. Красные лампы горели через каждые пять метров, но света давали мало - только подчёркивали, что стены здесь не серые, как в вестибюле, а тёмно-бордовые, с узорами, похожими на переплетённые колючки. Пол скрипел. Митяй подумал: «Если бы я был в фильме ужасов, сейчас бы из-за угла выпрыгнул монстр». И тут же из-за угла выпрыгнул монстр.

Маленький, размером с болонку, лохматый, с красными глазами и зубастой пастью. Он прыгнул прямо на Митяя, целясь в горло. Митяй, не думая, поднял кадило и прочитал первую молитву, которая пришла в голову:

- Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!

Монстр замер в воздухе. Зубы его, которые уже почти коснулись Митяевой шеи, вдруг... втянулись обратно. Глаза из красных стали жёлтыми. Он мягко приземлился на пол и... завил хвостом. Хвост у него был длинный, лысый, как у крысы, и сейчас он радостно стучал им по полу.

- Ты чё, - сказал монстр человеческим голосом, но писклявым, как у щенка. - Ты чё, молишься, что ли? А я думал, ты вкусенький.

Митяй выдохнул.

- А ты кто такой?

- Я - Бес-Кусака, - сказал монстр гордо. - Специализация - откусывание голов невнимательным грешникам. Но если ты молишься... - Он поморщился, будто съел лимон. - Не, так не интересно. Пойду я. - И он растворился в воздухе, оставив после себя запах серы и... мятных леденцов?

Митяй покачал головой и пошёл дальше. Коридор вился, сворачивал, раздваивался, но он помнил инструкцию: «Никуда не сворачивай». Он шёл прямо, даже когда путь преграждала стена - она просто исчезла

ЛАВА 2. ГЕЕННА ОГНЕННАЯ - ЭТО НЕ САУНА

1. Зал ожидания, которого никто не ждал

Зал ожидания ада выглядел ровно так, как Митяй себе его не представлял. Потому что если бы он представлял ад, то там были бы котлы, сковородки, грешники на вертелах и черти с вилами. Здесь же не было ничего такого. Вместо котлов - стойки регистрации. Вместо сковородок - пластиковые стулья, прикрученные к полу. Вместо грешников на вертелах - длинная, бесконечная очередь из полупрозрачных людей, которые стояли с такими лицами, будто уже всё поняли, но надежда ещё теплилась где-то глубоко внутри, там, где обычно прячется последний зуб мудрости. А вместо чертей с вилами - черти в офисных костюмах. С бейджи-

ками. С планшетами. С таким выражением лица, будто они только что выпили лимонного сока и им очень нравится.

Митяй замер на выходе из коридора. Кадило на поясе тихонько дымило - угли, которые он считал погасшими, видимо, решили, что раз уж они в аду, то можно и разгореться заново. Дым был тонкий, почти незаметный, но пахло от него не ладаном - ладан кончился ещё в Главе 1 - а чем-то вроде жжёного сахара и мяты. Митяй не знал, хорошо это или плохо. Он вообще сейчас многого не знал. Например, он не знал, куда идти. Не знал, к кому подойти. Не знал, как здесь принято себя вести. И главное - не знал, как отсюда выбираться.

- Тало-о-ончики, - разнеслось по залу. - Не забываем брать талончики. У кого нет талончика - тот не обслуживается. А кто не обслуживается - тот стоит. А кто стоит - тот ждёт. А кто ждёт - тот... ну, вы поняли.

Голос принадлежал черту, которого Митяй заметил сразу. Он стоял на возвышении - небольшой пластиковой трибуне с надписью «Информация. Жалобы. Предложения по улучшению мук» - и размахивал стопкой разноцветных бумажек. Сам черт был маленького роста, лысый, с рожками, закрученными внутрь, как у барана, и в очках с толстыми линзами, которые увеличивали его глаза до размеров теннисных мячиков. На груди висел бейджик: «Бес-распределитель 3-го ранга. Имя: Азазель. Не курить. Не ругаться. Не плевать святой водой».

- Мне нужен талончик, - сказал Митяй, подходя к трибуне.

Бес Азазель посмотрел на него. Точнее, посмотрел своими огромными увеличительными глазами, которые моргали по отдельности - сначала левый, потом правый.

- Вы новенький? - спросил он.

- Вроде того.

- Живой или как?

- Живой, - твёрдо сказал Митяй.

Азазель снял очки, протёр их, надел обратно, снова посмотрел. Потом понюхал воздух. Потом понюхал Митяя. Потом сделал шаг назад.

- Живым пахнет, - сказал он с сомнением. - Но не сильно. Как будто на пару минут. Вы уверены?

- Я уверен, - сказал Митяй. - Я упал через пол. Из храма. Читал «Отче наш». Чесался.

Азазель медленно кивнул, как кивают люди, которые ничего не поняли, но не хотят в этом признаваться.

- Понимаете, - сказал он, понижая голос до конспиративного шёпота, - у нас инструкция. Если клиент утверждает, что он живой, мы должны проверить. Есть специальная процедура. Но она занимает триста лет. У нас очередь, вы видите. А если мы будем проверять каждого, кто говорит, что он живой...

- Но я правда живой! - Митяй схватил Азазеля за руку и приложил к своей шее. - Чувствуете пульс?

Азазель почувствовал. Пульс у Митяя был - частый, испуганный, но определённо живой. Бес отдернул руку, будто обжёгся.

- Так, - сказал он нервно. - Так. Этого не может быть. У нас все клиенты - мёртвые. Это профильное учреждение. Мы не работаем с живыми. У нас нет для них талончиков. У нас даже графы в отчетах нет для «живых». Что мне писать в квартальном отчёте? «Поступил живой, отказано в обслуживании»? На меня начальство так посмотрит!

Он заметался за трибуной, заглядывая в какие-то бумажки, планшет, под стол - под столом ничего не было, кроме пыли и старого, забытого кем-то греха (выглядел он как маленький серый комочек шерсти, похожий на кота, который обиделся на весь мир).

Митяй терпеливо ждал. Он уже понял, что в аду главное - не паниковать. Паника - это то, что здесь любят. Паника - это еда для чертей, топливо для котлов, смазка для бюрократической

машины. Если он начнёт паниковать - он проиграл. Поэтому он стоял, дышал ровно и смотрел по сторонам.

А посмотреть было на что.

2. Экскурсия по залу ожидания (бесплатно, но душевно)

Зал ожидания был огромным. Митяй не мог оценить его размеры - потолок терялся где-то в темноте, стены уходили в бесконечность, а ряды пластиковых стульев, прикрученных к полу, тянулись насколько хватало глаз. Стулья были заняты. Не все, но многие. На них сидели люди - вернее, души людей. Они были полупрозрачными, как стекло с морозным узором, и двигались медленно, будто в замедленной съёмке. Один такой дядька сидел в первом ряду, уставившись в стену, и уже, кажется, забыл, как его зовут. Рядом с ним - тётяшка в платочке, которая что-то шептала и перебирала невидимые чётки. Митяй заметил, что у неё на руке светилась цифра: «12 345».

- Это номер очереди, - пояснил Азазель, заметив взгляд Митяя. - У каждого свой номер. Выдают при входе. Без номера - никуда. К стойке не подойти, форму не заполнить, жалобу не подать. Мы серьёзно к этому относимся.

- А что, жалобы принимают?

- Теоретически - да. Практически - для подачи жалобы нужно заполнить форму № 666/13, приложить копию свидетельства о смерти (заверенную нотариусом, нотариусы у нас только в аду, так что это не проблема), три фотографии 3x4, справку от участкового беса и выписку из личного дела. Средний срок рассмотрения жалобы - 777 лет. Удовлетворяемость - 0,3%. Но мы работаем над этим.

Митяй присвистнул.

- А можно просто... ну, не стоять в очереди? Не регистрироваться? Уйти, например?

Азазель посмотрел на него с таким сочувствием, будто Митяй только что сказал, что хочет полететь на Луну на велосипеде.

- Уйти? Куда? - он обвёл рукой зал. - Вы видите здесь двери? Кроме той, откуда вы пришли. А та дверь ведёт обратно в коридор. А коридор ведёт сюда. Это круг. Замкнутый. Как у вас там говорят... цикл? Да, цикл. Вы можете уйти только через стойку регистрации. А для этого нужно получить талон. А для получения талона нужно отстоять очередь. А для того, чтобы отстоять очередь...

- Нужно сначала встать в очередь, - закончил Митяй. - Замкнутый круг. Я понял.

- Вы быстро учитесь, - одобрительно сказал Азазель. - Может, у вас есть административный опыт? Мы набираем стажёров. Зарплата - невысокая, но вечная. Соцпакет - отличный: бесплатное смоляное озеро раз в квартал, корпоративные тренинги («Как эффективнее мучить»), скидки в магазинах ада...

- Спасибо, не надо, - перебил Митяй. - Я лучше пойду в очередь.

- Как хотите. Талончик возьмите.

Азазель протянул ему маленькую бумажку. На ней было написано:

text

АД. ООО «ГЕЕННА ОГНЕННАЯ»

ТАЛОН № 666 13-12-12

Ваш номер в очереди: 12 547 893 215

Примерное время ожидания: 12 547 лет 3 месяца 12 дней

Окно № 13 (третье справа, если стоять лицом к стойкам)

Митяй взял талон. Бумажка была тёплой и слегка пульсировала, как живая.

- А почему 13-12-12? - спросил он. - Это какая-то магия?

- Протокол, - пожал плечами Азазель. - 13 - код отдела, 12 - код греха, 12 - код подгреха.

Вы, наверное, много грешили. Или мало. Честно говоря, эти цифры ставят рандомно. Наша система генерации номеров на гарантии качества не ловится.

Митяй спрятал талон в карман стихаря и пошёл к очереди.

3. Очередь, в которой время не идёт, а ползёт

Очередь двигалась. Слово «двигалась» здесь нужно понимать как «каждые полчаса кто-то делал шаг». Шаг был мелкий, неуверенный, как у только что родившегося слонёнка. Митяй встал в конец очереди и приготовился ждать. Но он не умел ждать. Никогда не умел. В храме, когда батюшка читал долгие молитвы, Митяй обычно перебирал ногами и мысленно составлял список покупок. Сейчас он мысленно составлял список того, что он увидел в зале ожидания.

Список странностей:

В зале работал Wi-Fi. Митяй заметил это, когда чихнул и случайно открыл настройки телефона - телефон, кстати, работал, хотя батарейка была на 12%. Сеть называлась «Адский-Интернет_Бесплатно». Пароль - «грех666». Митяй подключился из чистого любопытства.

Wi-Fi работал только на два типа сайтов. Первый тип - порнография. Второй тип - лживые новости. Сайты с####, новостями спорта, рецептами пирожков и, главное, с любым упоминанием о Боге, вере или спасении души - не открывались. Вместо них появлялась надпись: «Доступ к данному ресурсу запрещён на территории ООО «Геенна Огненная». Для получения разрешения обратитесь в отдел пропаганды».

На стенах висели плакаты. Один гласил: «Забудьте о прошлом. У вас есть вечность, чтобы жалеть». Другой: «Улыбайтесь! Ваши страдания кого-то развлекают». Третий, самый большой: «Начальство всегда право. Даже когда не право. Особенно когда не право».

Черти ходили между рядами и раздавали... воду. Простую воду в пластиковых стаканчиках. Митяй сначала обрадовался - пить хотелось ужасно, потому что в аду было жарко, душно и сухо. Но, сделав глоток, он понял, что вода - солёная. Очень солёная. Как слёзы. Как тысяча слёз, смешанных с морской солью и отчаянием.

- Это чтобы вы не забывали, зачем вы здесь, - пояснил проходящий мимо черт с подносом. - Вкусовая память. Очень эффективно.

Митяй выплюнул воду обратно в стаканчик и отдал его черту. Тот пожал плечами и пошёл дальше.

В очереди было тоскливо. Митяй стоял и смотрел на затылок впереди стоящего. Затылок был лысый, блестящий, с каким-то странным рисунком родинок, напоминающим карту звездного неба. Митяй уже собрался спросить у этого человека, как он здесь оказался, как вдруг затылок повернулся.

- Вы ко мне? - спросил человек. Он был мужчиной лет пятидесяти, в помятом костюме и с красными глазами - такими красными, будто он плакал несколько лет подряд.

- Да, - сказал Митяй. - Я просто хотел спросить... долго вы уже здесь стоите?

Мужчина задумался. Потом посмотрел на свои руки - они были полупрозрачными, как и он сам.

- Триста лет, - сказал он наконец. - Или четыреста. Я сбился со счёта где-то на втором столетии. Знаете, что самое страшное в аду?

- Что?

- Не огонь. Не черти. Не вечные муки. Самое страшное - что здесь ничего не происходит. Вы просто стоите. И ждёте. И знаете, что будете стоять и ждать всегда. До бесконечности. И никто к вам не подойдёт, не спросит, не поможет. Вы просто... цифра в очереди.

Мужчина заплакал. Слёзы были солёными - Митяй понял это, потому что одна слеза упала на его руку и зашипала, как морская вода на ссадину.

- А вы за что сюда попали? - осторожно спросил Митяй.

- За жадность, - сказал мужчина. - Я был банкиром. Не самым плохим, знаете? Я давал кредиты тем, кто не мог отдать. Но я не хотел зла. Я просто... работал. А вот оно как вышло.

Он отвернулся и больше не говорил.

Митяй смотрел на него и чувствовал, как внутри закипает злость. Не та злость, которая толкает на грех. А другая - праведная. Та, которая говорит: «Это неправильно. Так не должно быть».

Он вспомнил слова Христа: «Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы». Здесь, в аду, никто никого не упокаивал. Здесь была только бесконечная очередь и бесконечное ожидание.

«И это называется справедливость?» - подумал Митяй. - «Человек ошибся, покаялся (или не покаялся - я не знаю), а его ставят в очередь на полторы тысячи лет? И он стоит, пьёт солёную воду и смотрит в стену? Где здесь милосердие?»

Он вдруг понял, что ад - это не место, которое создал Бог. Ад - это место, которое люди создали для себя сами. Бюрократия, равнодушие, бесконечные правила и инструкции - вот что такое настоящий ад. А огонь и сера - это так, декорации.

«И они хотят, чтобы я соблюдал их правила? - Митяй сжал талон в кармане. - Чтобы я стоял в очереди, как все? Ну уж нет. Я алтарник. Я служу Богу. А не этому... ООО «Геенна Огненная»».

Он вышел из очереди.

4. Как Митяй попытался доказать, что он живой (и что из этого вышло)

- Вы не можете выходить из очереди, - сказал подбежавший черт. Молодой, с веснушками на носу и рожками, которые только начинали расти - маленькие, розовые, как бутоны цветов. - По правилам, если вы вышли из очереди, вы теряете место. Вам нужно брать новый талон и вставать в конец.

- Я не теряю, я временно отошёл, - сказал Митяй.

- Временные отлучки не предусмотрены, - черт заглянул в планшет. - Пункт 12, параграф 7: «Находясь в очереди, клиент обязан непрерывно находиться в очереди». Непрерывно - это значит...

- Я знаю, что значит «непрерывно», - перебил Митяй. - Но я живой. Вы понимаете? Живой. У меня пульс. У меня температура. У меня есть документы.

Он достал из кармана паспорт. Обычный российский паспорт, красный, с двуглавым орлом. Черт взял его, покрутил в руках, попробовал на зуб (рожки, видимо, чесались) и вернул обратно.

- Это не документ, - сказал он. - У нас принимаются только справки из отдела регистрации душ. А ваша справка... - он снова заглянул в планшет, - отсутствует.

- Как это - отсутствует? У меня есть паспорт, есть СНИЛС, есть ИНН...

- Всё это земные документы, - черт вздохнул с сочувствием, но с таким, будто сочувствие тоже было прописано в инструкции. - В аду они не действительны. Для того, чтобы подтвердить свой статус, вам нужно заполнить форму № 1-АД «Заявление о признании факта существования». Но для заполнения формы нужно получить талон. А для получения талона...

- ...нужно встать в очередь. Я понял, - Митяй почесал затылок. - А если я просто... ну, перестану быть живым? Прямо здесь? - он закашлялся. - Нет, не получится. Я как-то к жизни привязан.

В этот момент из-за стойки регистрации вышел главный черт. Митяй понял, что он главный, потому что у него были самые длинные рога, самый большой живот (в обтяжку офисной рубашке, пуговицы которой вот-вот готовы были отстрелить) и самый наглый взгляд. На бейджике было написано: «Старший смены. Вельзевул. 3-й уровень допуска».

- Что за шум? - спросил Вельзевул, подходя к Митяю. - А без драки?

- Он живой, - доложил молодой черт с веснушками.

- Кто живой?

- Вот этот. - Черт показал на Митяя.

Вельзевул посмотрел на Митяя. Митяй посмотрел на Вельзевула. Между ними пробежала искра - не романтическая, а электрическая, потому что у Вельзевула в кармане был портативный зарядник для планшета, и он, видимо, замыкал.

- Живой, говоришь, - протянул Вельзевул. - Ну-ка, покажи пульс.

Митяй протянул руку. Вельзевул пощупал запястье - сухо, холодно, как у дохлой рыбы (это у него руки такие были, не у Митяя). Потом понюхал. Потом лизнул. Митяй отдернул руку.

- Вы чего? - возмутился он. - Я не еда!

- А вот это мы ещё проверим, - сказал Вельзевул. - У нас есть тест на живость. Хотите пройти?

- Какой тест?

Вельзевул достал из кармана какой-то прибор. Он был похож на термометр, но с тремя шкалами - красной, чёрной и зелёной.

- Прибор «Спиритус-3000», - гордо сказал он. - Определяет наличие живой души в теле. Если душа живая - загорается зелёный. Если мёртвая - красный. Если нет души - чёрный. Просто приложите к груди.

Митяй приложил. Прибор запищал, замигал, задымился и через три секунды показал... чёрный.

- Нет души, - констатировал Вельзевул. - А вы говорили - живой.

- Как это - нет души? - Митяй постучал по прибору. - У меня есть душа! Я чувствую!

- Прибор не врут, - отрезал Вельзевул. - Прибор сертифицирован, калиброван, прошёл проверку в отделе технического контроля. Если он сказал «чёрный», значит, души нет. Можете идти в очередь. Или не идти. Мне всё равно. Но без души вы - не клиент. Вы - бракованный товар.

И Вельзевул ушёл, тяжело переваливаясь, как утка, объевшаяся хлебом.

Митяй остался стоять с прибором в руках. Молодой черт с веснушками забрал прибор, извинился (почти искренне) и убежал. Митяй смотрел ему вслед и чувствовал, как злость сменяется чем-то другим. Чем-то холодным и решительным.

«Они хотят, чтобы я поверил, что у меня нет души, - подумал он. - Чтобы я встал в очередь и стал таким же, как эти полутени, которые пьют солёную воду и ждут тысячи лет. Но у меня есть душа. Я знаю это. Я чувствую это. И если их прибор говорит обратное - значит, прибор врёт. А если они говорят, что прибор не врёт - значит, врут они».

Он посмотрел на талон. «666 13-12-12». Потом на очередь. Потом на стойку регистрации, за которой черти перебирали бумажки, щёлкали клавишами и смотрели в мониторы.

«Правила созданы для того, чтобы их соблюдали, - подумал Митяй. - Но если правила ведут в никуда, если правила убивают всё живое... то эти правила нужно нарушать. Не для того, чтобы согрешить. А для того, чтобы выжить».

Он разорвал талон пополам. Бумажка жалобно пискнула и рассыпалась в прах.

- Эй! - крикнул Митяй, обращаясь ко всему залу. - Кто здесь главный? Не этот Вельзевул, а настоящий главный? Мне нужно поговорить с начальником!

В зале воцарилась тишина. Даже очередь замерла. Даже солёная вода в стаканчиках перестала плескаться.

5. Разговор с начальником (который оказался не начальником)

Через пять минут Митяя уже вели по коридору. Не по тому, по которому он пришёл - по другому, с красными ковровыми дорожками и портретами на стенах. На портретах были изображены разные черти в строгих костюмах, под каждым портретом - табличка: «Заслуженный мучитель 2-го ранга», «Почётный искуситель 1-го класса», «Лучший работник отдела пропаганды 1892 года». Митяй заметил, что все черти на портретах были очень старые - не возрастом, а духом. У них были такие лица, будто они уже всё видели, всё перепробовали и всё равно недовольны.

- Сюда, - сказал сопровождающий - толстый черт в пиджаке, который, кажется, ненавидел свою работу, свою жизнь и весь мир вообще, но особенно Митяя. - Начальник отдела регистрации вас примет. Но предупреждаю: он не в духе.

- А он вообще бывает в духе? - спросил Митяй.

Сопровождающий ничего не ответил, только скрипнул зубами и открыл дверь.

Кабинет начальника отдела регистрации оказался точной копией кабинета начальника в типографии, где работал Митяй. Такой же стол, такое же кресло, такие же папки на полках, такой же запах перегоревшего кофе и уставших людей. Единственное отличие - вместо окна была стена, на которой светилась надпись: «Вид на смоляные озёра откроется после подписания договора о вечных муках».

- Садитесь, - сказал начальник. Он был похож на человека - абсолютно. Без рожек, без хвоста, без копыт. Обычный мужчина лет пятидесяти, в сером костюме, с залысинами и уставшими глазами. Митяй даже на секунду подумал, что ошибся дверью. Но потом заметил, что из-под стола торчит тонкий хвост с кисточкой на конце, как у льва, и успокоился.

- Вы - живой? - спросил начальник без предисловий.

- Да.

- Докажите.

Митяй открыл рот, чтобы сказать что-то умное. Например, про пульс. Или про температуру. Или про то, что у него есть паспорт, который, хоть и не признаётся в аду, всё-таки что-то значит. Но слова застряли в горле. Потому что он вдруг понял: никакие доказательства не нужны. Этому черту в человеческом обличье, с хвостом под столом и уставшими глазами, не нужны его пульс, его паспорт, его СНИЛС. Ему нужна покорность. Ему нужно, чтобы Митяй согласился, что у него нет души, встал в очередь и ждал двенадцать тысяч лет. И тогда что-то щёлкнуло у Митяя внутри. Не в голове - в груди. Там, где, по словам чертового прибора, ничего не было. И это что-то сказало: «Читай».

ГЛАВА 2. ГЕЕННА ОГНЕННАЯ - ЭТО НЕ САУНА

1. Зал ожидания, которого никто не ждал

Зал ожидания ада выглядел ровно так, как Митяй себе его не представлял. Потому что если бы он представлял ад, то там были бы котлы, сковородки, грешники на вертелах и черти с вилами. Здесь же не было ничего такого. Вместо котлов - стойки регистрации. Вместо сковородок - пластиковые стулья, прикрученные к полу. Вместо грешников на вертелах - длинная, бесконечная очередь из полупрозрачных людей, которые стояли с такими лицами, будто уже всё поняли, но надежда ещё теплилась где-то глубоко внутри, там, где обычно прячется последний зуб мудрости. А вместо чертей с вилами - черти в офисных костюмах. С бейджиками. С планшетами. С таким выражением лица, будто они только что выпили лимонного сока и им очень нравится.

Митяй замер на выходе из коридора. Кадило на поясе тихонько дымило - угли, которые он считал погасшими, видимо, решили, что раз уж они в аду, то можно и разгореться заново. Дым был тонкий, почти незаметный, но пахло от него не ладаном - ладан кончился ещё в Главе 1 - а чем-то вроде жжёного сахара и мяты. Митяй не знал, хорошо это или плохо. Он вообще сейчас многого не знал. Например, он не знал, куда идти. Не знал, к кому подойти. Не знал, как здесь принято себя вести. И главное - не знал, как отсюда выбираться.

- Тало-о-ончики, - разнеслось по залу. - Не забываем брать талончики. У кого нет талончика - тот не обслуживается. А кто не обслуживается - тот стоит. А кто стоит - тот ждёт. А кто ждёт - тот... ну, вы поняли.

Голос принадлежал черту, которого Митяй заметил сразу. Он стоял на возвышении - небольшой пластиковой трибуне с надписью «Информация. Жалобы. Предложения по улучшению мук» - и размахивал стопкой разноцветных бумажек. Сам черт был маленького роста,

лысый, с рожками, закрученными внутрь, как у барана, и в очках с толстыми линзами, которые увеличивали его глаза до размеров теннисных мячиков. На груди висел бейджик: «Бес-распределитель 3-го ранга. Имя: Азазель. Не курить. Не ругаться. Не плевать святой водой».

- Мне нужен талончик, - сказал Митяй, подходя к трибуне.

Бес Азазель посмотрел на него. Точнее, посмотрел своими огромными увеличительными глазами, которые моргали по отдельности - сначала левый, потом правый.

- Вы новенький? - спросил он.

- Вроде того.

- Живой или как?

- Живой, - твёрдо сказал Митяй.

Азазель снял очки, протёр их, надел обратно, снова посмотрел. Потом понюхал воздух. Потом понюхал Митяя. Потом сделал шаг назад.

- Живым пахнет, - сказал он с сомнением. - Но не сильно. Как будто на пару минут. Вы уверены?

- Я уверен, - сказал Митяй. - Я упал через пол. Из храма. Читал «Отче наш». Чесался.

Азазель медленно кивнул, как кивают люди, которые ничего не поняли, но не хотят в этом признаваться.

- Понимаете, - сказал он, понижая голос до конспиративного шёпота, - у нас инструкция. Если клиент утверждает, что он живой, мы должны проверить. Есть специальная процедура. Но она занимает триста лет. У нас очередь, вы видите. А если мы будем проверять каждого, кто говорит, что он живой...

- Но я правда живой! - Митяй схватил Азазеля за руку и приложил к своей шее. - Чувствуете пульс?

Азазель почувствовал. Пульс у Митяя был - частый, испуганный, но определённо живой. Бес отдернул руку, будто обжёгся.

- Так, - сказал он нервно. - Так. Этого не может быть. У нас все клиенты - мёртвые. Это профильное учреждение. Мы не работаем с живыми. У нас нет для них талончиков. У нас даже графы в отчетах нет для «живых». Что мне писать в квартальном отчёте? «Поступил живой, отказано в обслуживании»? На меня начальство так посмотрит!

Он заметался за трибуной, заглядывая в какие-то бумажки, планшет, под стол - под столом ничего не было, кроме пыли и старого, забытого кем-то греха (выглядел он как маленький серый комочек шерсти, похожий на кота, который обиделся на весь мир).

Митяй терпеливо ждал. Он уже понял, что в аду главное - не паниковать. Паника - это то, что здесь любят. Паника - это еда для чертей, топливо для котлов, смазка для бюрократической машины. Если он начнёт паниковать - он проиграл. Поэтому он стоял, дышал ровно и смотрел по сторонам.

А посмотреть было на что.

2. Экскурсия по залу ожидания (бесплатно, но душевно)

Зал ожидания был огромным. Митяй не мог оценить его размеры - потолок терялся где-то в темноте, стены уходили в бесконечность, а ряды пластиковых стульев, прикрученных к полу, тянулись насколько хватало глаз. Стулья были заняты. Не все, но многие. На них сидели люди - вернее, души людей. Они были полупрозрачными, как стекло с морозным узором, и двигались медленно, будто в замедленной съёмке. Один такой дядька сидел в первом ряду, уставившись в стену, и уже, кажется, забыл, как его зовут. Рядом с ним - тётенька в платочке, которая что-то шептала и перебирала невидимые чётки. Митяй заметил, что у неё на руке светилась цифра: «12 345».

- Это номер очереди, - пояснил Азазель, заметив взгляд Митяя. - У каждого свой номер. Выдают при входе. Без номера - никуда. К стойке не подойти, форму не заполнить, жалобу не подать. Мы серьёзно к этому относимся.

- А что, жалобы принимают?

- Теоретически - да. Практически - для подачи жалобы нужно заполнить форму № 666/13, приложить копию свидетельства о смерти (заверенную нотариусом, нотариусы у нас только в аду, так что это не проблема), три фотографии 3x4, справку от участкового беса и выписку из личного дела. Средний срок рассмотрения жалобы - 777 лет. Удовлетворяемость - 0,3%. Но мы работаем над этим.

Митяй присвистнул.

- А можно просто... ну, не стоять в очереди? Не регистрироваться? Уйти, например?

Азазель посмотрел на него с таким сочувствием, будто Митяй только что сказал, что хочет полететь на Луну на велосипеде.

- Уйти? Куда? - он обвёл рукой зал. - Вы видите здесь двери? Кроме той, откуда вы пришли. А та дверь ведёт обратно в коридор. А коридор ведёт сюда. Это круг. Замкнутый. Как у вас там говорят... цикл? Да, цикл. Вы можете уйти только через стойку регистрации. А для этого нужно получить талон. А для получения талона нужно отстоять очередь. А для того, чтобы отстоять очередь...

- Нужно сначала встать в очередь, - закончил Митяй. - Замкнутый круг. Я понял.

- Вы быстро учитесь, - одобрительно сказал Азазель. - Может, у вас есть административный опыт? Мы набираем стажёров. Зарплата - невысокая, но вечная. Соцпакет - отличный: бесплатное смоляное озеро раз в квартал, корпоративные тренинги («Как эффективнее мучить»), скидки в магазинах ада...

- Спасибо, не надо, - перебил Митяй. - Я лучше пойду в очередь.

- Как хотите. Талончик возьмите.

Азазель протянул ему маленькую бумажку. На ней было написано:

text

АД. ООО «ГЕЕННА ОГНЕННАЯ»

ТАЛОН № 666 13-12-12

Ваш номер в очереди: 12 547 893 215

Примерное время ожидания: 12 547 лет 3 месяца 12 дней

Окно № 13 (третье справа, если стоять лицом к стойкам)

Митяй взял талон. Бумажка была тёплой и слегка пульсировала, как живая.

- А почему 13-12-12? - спросил он. - Это какая-то магия?

- Протокол, - пожал плечами Азазель. - 13 - код отдела, 12 - код греха, 12 - код подгреха.

Вы, наверное, много грешили. Или мало. Честно говоря, эти цифры ставят рандомно. Наша система генерации номеров на гарантии качества не ловится.

Митяй спрятал талон в карман стихаря и пошёл к очереди.

3. Очередь, в которой время не идёт, а ползёт

Очередь двигалась. Слово «двигалась» здесь нужно понимать как «каждые полчаса кто-то делал шаг». Шаг был мелкий, неуверенный, как у только что родившегося слонёнка. Митяй встал в конец очереди и приготовился ждать. Но он не умел ждать. Никогда не умел. В храме, когда батюшка читал долгие молитвы, Митяй обычно перебирал ногами и мысленно составлял список покупок. Сейчас он мысленно составлял список того, что он увидел в зале ожидания.

Список странностей:

В зале работал Wi-Fi. Митяй заметил это, когда чихнул и случайно открыл настройки телефона - телефон, кстати, работал, хотя батарейка была на 12%. Сеть называлась «Адский-Интернет_Бесплатно». Пароль - «грех666». Митяй подключился из чистого любопытства.

Wi-Fi работал только на два типа сайтов. Первый тип - порнография. Второй тип - лживые новости. Сайты с####, новостями спорта, рецептами пирожков и, главное, с любым упоминанием о Боге, вере или спасении души - не открывались. Вместо них появлялась надпись:

«Доступ к данному ресурсу запрещён на территории ООО «Геенна Огненная». Для получения разрешения обратитесь в отдел пропаганды».

На стенах висели плакаты. Один гласил: «Забудьте о прошлом. У вас есть вечность, чтобы жалеть». Другой: «Улыбайтесь! Ваши страдания кого-то развлекают». Третий, самый большой: «Начальство всегда право. Даже когда не право. Особенно когда не право».

Черти ходили между рядами и раздавали... воду. Простую воду в пластиковых стаканчиках. Митяй сначала обрадовался - пить хотелось ужасно, потому что в аду было жарко, душно и сухо. Но, сделав глоток, он понял, что вода - солёная. Очень солёная. Как слёзы. Как тысяча слёз, смешанных с морской солью и отчаянием.

- Это чтобы вы не забывали, зачем вы здесь, - пояснил проходящий мимо черт с подносом. - Вкусная память. Очень эффективно.

Митяй выплюнул воду обратно в стаканчик и отдал его черту. Тот пожал плечами и пошёл дальше.

В очереди было тоскливо. Митяй стоял и смотрел на затылок впереди стоящего. Затылок был лысый, блестящий, с каким-то странным рисунком родинок, напоминающим карту звездного неба. Митяй уже собрался спросить у этого человека, как он здесь оказался, как вдруг затылок повернулся.

- Вы ко мне? - спросил человек. Он был мужчиной лет пятидесяти, в помятом костюме и с красными глазами - такими красными, будто он плакал несколько лет подряд.

- Да, - сказал Митяй. - Я просто хотел спросить... долго вы уже здесь стоите?

Мужчина задумался. Потом посмотрел на свои руки - они были полупрозрачными, как и он сам.

- Триста лет, - сказал он наконец. - Или четыреста. Я сбился со счёта где-то на втором столетии. Знаете, что самое страшное в аду?

- Что?

- Не огонь. Не черти. Не вечные муки. Самое страшное - что здесь ничего не происходит. Вы просто стоите. И ждёте. И знаете, что будете стоять и ждать всегда. До бесконечности. И никто к вам не подойдёт, не спросит, не поможет. Вы просто... цифра в очереди.

Мужчина заплакал. Слёзы были солёными - Митяй понял это, потому что одна слеза упала на его руку и зашипала, как морская вода на ссадину.

- А вы за что сюда попали? - осторожно спросил Митяй.

- За жадность, - сказал мужчина. - Я был банкиром. Не самым плохим, знаете? Я давал кредиты тем, кто не мог отдать. Но я не хотел зла. Я просто... работал. А вот оно как вышло.

Он отвернулся и больше не говорил.

Митяй смотрел на него и чувствовал, как внутри закипает злость. Не та злость, которая толкает на грех. А другая - праведная. Та, которая говорит: «Это неправильно. Так не должно быть».

Он вспомнил слова Христа: «Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы». Здесь, в аду, никто никого не упокаивал. Здесь была только бесконечная очередь и бесконечное ожидание.

«И это называется справедливость?» - подумал Митяй. - «Человек ошибся, покаялся (или не покаялся - я не знаю), а его ставят в очередь на полторы тысячи лет? И он стоит, пьёт солёную воду и смотрит в стену? Где здесь милосердие?»

Он вдруг понял, что ад - это не место, которое создал Бог. Ад - это место, которое люди создали для себя сами. Бюрократия, равнодушие, бесконечные правила и инструкции - вот что такое настоящий ад. А огонь и сера - это так, декорации.

«И они хотят, чтобы я соблюдал их правила? - Митяй сжал талон в кармане. - Чтобы я стоял в очереди, как все? Ну уж нет. Я алтарник. Я служу Богу. А не этому... ООО «Геенна Огненная»».

Он вышел из очереди.

4. Как Митяй попытался доказать, что он живой (и что из этого вышло)

- Вы не можете выходить из очереди, - сказал подбежавший черт. Молодой, с веснушками на носу и рожками, которые только начинали расти - маленькие, розовые, как бутоны цветов.
- По правилам, если вы вышли из очереди, вы теряете место. Вам нужно брать новый талон и вставить в конец.

- Я не теряю, я временно отошёл, - сказал Митяй.

- Временные отлучки не предусмотрены, - черт заглянул в планшет. - Пункт 12, параграф 7: «Находясь в очереди, клиент обязан непрерывно находиться в очереди». Непрерывно - это значит...

- Я знаю, что значит «непрерывно», - перебил Митяй. - Но я живой. Вы понимаете? Живой. У меня пульс. У меня температура. У меня есть документы.

Он достал из кармана паспорт. Обычный российский паспорт, красный, с двуглавым орлом. Черт взял его, покрутил в руках, попробовал на зуб (рожки, видимо, чесались) и вернул обратно.

- Это не документ, - сказал он. - У нас принимаются только справки из отдела регистрации душ. А ваша справка... - он снова заглянул в планшет, - отсутствует.

- Как это - отсутствует? У меня есть паспорт, есть СНИЛС, есть ИНН...

- Всё это земные документы, - черт вздохнул с сочувствием, но с таким, будто сочувствие тоже было прописано в инструкции. - В аду они не действительны. Для того, чтобы подтвердить свой статус, вам нужно заполнить форму № 1-АД «Заявление о признании факта существования». Но для заполнения формы нужно получить талон. А для получения талона...

- ...нужно встать в очередь. Я понял, - Митяй почесал затылок. - А если я просто... ну, перестану быть живым? Прямо здесь? - он закашлялся. - Нет, не получится. Я как-то к жизни привязан.

В этот момент из-за стойки регистрации вышел главный черт. Митяй понял, что он главный, потому что у него были самые длинные рога, самый большой живот (в обтяжку офисной рубашке, пуговицы которой вот-вот готовы были отстрелить) и самый наглый взгляд. На бейджике было написано: «Старший смены. Вельзевул. 3-й уровень допуска».

- Что за шум? - спросил Вельзевул, подходя к Митяю. - А без драки?

- Он живой, - доложил молодой черт с веснушками.

- Кто живой?

- Вот этот. - Черт показал на Митяя.

Вельзевул посмотрел на Митяя. Митяй посмотрел на Вельзевула. Между ними пробежала искра - не романтическая, а электрическая, потому что у Вельзевула в кармане был портативный зарядник для планшета, и он, видимо, замыкал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.